

КУЗНЕЦОВ Николай Михайлович

Первые воспоминания о войне... Мой двоюродный брат Валентин Николаевич Одинцов школу закончил с похвальным листом - медалей тогда не давали, и в 1940-м уехал в Ленинград поступать в морское училище имени Дзержинского. Когда его провожали, он взял меня на руки и сказал: «Николка, скоро встретимся!» Но мы так и не увиделись. Он погиб на Ладогe. Мой дядя, брат отца, Василий Фёдорович Кузнецов в годы войны пропал без вести. Служил связистом в звании капитана.

На передовой перебило телефонный провод. Связист, которого он отправил на восстановление, не вернулся. Второй тоже пропал. Пошел на задание и выручку подчиненных сам... Что с ним случилось, куда исчез - неизвестно.

...С началом войны для нашей семьи настали тяжёлые времена. Детство кончилось. Аля, старшая сестра, в 14 лет пошла работать. Шила трёхпалые тёплые рукавицы – фронтовикам: для указательного пальца, которым курок нажимаешь, отдельная ячейка...

Жили мы по соседству с железнодорожным вокзалом. Сюда прибывали составы с ранеными, одних оставляли в нашем городе, других везли дальше... Зимой в холода медсёстры из санитарных поездов старались хотя бы на короткое время остановки переместить тяжелых больных в чей-нибудь дом, потому что перевязку в тепле делать не так болезненно, как в холодном неотапливаемом вагоне. Однажды – до сих пор картина стоит перед глазами – мы принимали такого раненого, а я с полатей увидел не его на спине две огромные раны с вырванными кусками мяса. Наверное, в него попали разрывные пули...

Ещё одно раннее воспоминание, связанное с другим двоюродным братом, Виктором Николаевичем Одинцовым. Он служил в охране железнодорожных составов с военными грузами. Его поезд остановился в Фурманове, и он забежал к нам несколько минут. С каким восторгом я трогал я, пацан, трогал тогда его карабин!

...Отца из-за сильной близорукости в армию не взяли. Чтобы прокормить семью, он снимал с крыши нашего дома железо, делал из него вёдра, печки, заслонки, патрубки. Крышу закрывал толью. Работал и по ночам. Грохот от железа в ушах до сих пор помню... Все эти изделия родители продавали на рынке. На это требовалось брать патент. Родители из-за нехватки денег плату вовремя раза два-три не вносили, и к нам приходили

из горфо - городского финансового отдела - описывать имущество. Под опись попадали стол, горка, две железные кровати... С трудом наскребали денег, и мебель оставалась дома...

...Братишка Саша, который за год до войны родился, заболел воспалением лёгких, и очень сильно. Врач посоветовал отпаивать его козьим молоком. И кто-то нам дал козу на время, её молоком брата и выхаживали. Другим детям, конечно, не доставалось, всё ему. И однажды козу украли ... Тяжело тогда нам пришлось... Так что голод я познал такой, что всю жизнь не забываю.

Помню и «вшивую горку», на которой стоял хлебный магазин. Это через дорогу от нынешнего памятника Фурманову. Нередко приходилось уходить на эту горку в «ночное» - караулить, когда привезут хлеб. На детской ладони взрослый «контролер» писал химическим карандашом номер в очереди. Если кто-то уходил домой поспать, а к привозу хлеба опаздывал, он терял очередь. Потому мы спали тут же, на улице. В пять утра с фабрики после ночной смены шли люди, и если они оказывались у двери магазина раньше нас, спящих, то говорили, что «надо переметиться». Со взрослыми не поспоришь - и мы оказывались в хвосте... Много слез было пролито на этой горке. И мне так хотелось быстрее дожить до 12-ти лет, возраста, когда подростку полагалось аж на 100 граммов хлеба больше, чем мальчикам...

Однажды я попал в нехорошее положение. Это случилось в августе 43-го. Мне уже семь лет минуло. Мой друг, Валя Филиппов, позвал: «Коль, пойдём за щавелём, я знаю, где он растёт». А для нас тогда эта зелень была лакомством. Пришли мы к огороду у начальной школы, в которой с сентября предстояло учиться. Небольшое такое деревянное здание на четыре класса. Через забор перелезли, и к щавелю.... Я успел только один небольшой пучок нарвать в сумку, и вдруг меня – раз! – кто-то сзади схватил за воротник. Друг сразу убежал. Оборачиваюсь и вижу старичка. Крепкий такой, руки от труда багровые. Я заревел. «Ты что тут делаешь? - Я только щавель беру. – А зачем траву мне топчешь? У нас коза, я эту траву кошу для неё, а ты топчешь». Выговорил он мне и отпустил. А когда я пришёл на переключку, увидел, что тот старик – директор школы. Стою, голову опустил, глаза в землю. Стыдно. До сих пор как вспомню, мне неудобно в душе за тот поступок. А о том, что я щавель воровал, директор ни разу потом не напомнил. Будто и не было ничего такого....